
«Закон судный людем» и византийская Эклога в свете средневековых правовых традиций

Михаил Бибилов

«*Zakon sudnyi lyudem*» and the Byzantine Eclogue in the light of medieval legal traditions

Mikhail Bibikov

(Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870005844-9

Проблемы рецепции римского и византийского права в законодательстве славян и Руси — традиционно важная тема исследований по истории государства и права как в отечественной, так и мировой науке. Успехи последних десятилетий связаны прежде всего с выявлением закономерностей отбора, переложения и применения норм, восходящих к византийским правовым памятникам, у славян и в Древней Руси. В меньшей степени обращала на себя внимание трансформация правовых норм самого Юстинианова законодательства в виде различных вариантов византийских компиляций, распространявшихся в странах средневекового православного мира, прежде всего славянского.

Памятники древнерусского и славянского права в составе Кормчих книг, «Закона судного людем», «Книг законных», переводной Эклоги воспроизводили переводы с греческого соответствующих византийских текстов «Синагоги (Синтагмы) в XIV титулах» и Номоканона, Прохирона, Земледельческого закона, Морского закона, Эклоги законов, представлявших собой эманацию положений классического Юстинианова и пост-Юстинианова права. Выяснение путей трансформации классического права через византийские юридические тексты в памятники славянского и древнерусского законодательства позволяет представить параллели (часто парафрастического типа) к славянским и древнерусским памятникам норм классического права, к которым в конце концов через византийское посредничество восходят эти положения.

Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси — тема, возникающая на стыке исследований международных политических и культурных связей в Европе, с одной стороны, и политического и правового развития Руси, — с другой. Постановка её в исторической науке при анализе генезиса и эволюции общественного и государственного строя Древней Руси и её международных связей, изучении источников древнерусского права, возникших на местной или на более широкой основе, но отразивших местные древнерусские правовые нормы, отражает современный этап исторического познания отечественной истории и её источниковедения.

Репертуар византийских памятников, известных в древнерусских переводах (как выполненных на месте, так и пришедших от южных славян), выявлен далеко ещё не полностью. Определённые успехи в области изучения литературы, историографии, агиографии, литургики очевидны. Работа по определению

круга переводных произведений из числа правовых, в частности канонических текстов, началась в XIX в. и продолжается сегодня. При изучении переводной византийской литературы важным для истории культуры Руси и славянских стран является вопрос о месте создания тех или иных переводов. Если в области изучения нарративных и литературных произведений сделано уже немало, то среди памятников юридического содержания многое ещё предстоит исследовать: это касается атрибуции переводов Эклоги, Прохирина, создания «Книги законных», продолжающихся споров о происхождении Краткой редакции «Закона судного людям».

Актуальной исследовательской задачей является анализ условий применения норм заимствованного права на русской почве, демонстрация изменений этих норм в соответствии с обычаями самой Руси. Если в правилах и уставах, касающихся христианских моральных норм, в древнерусских пенитенциалах (покаянных книгах) византийские установления значительно распространены, хотя нередко заменяются вполне сознательно облегчёнными и приспособленными к новым условиям, то в памятниках уголовного, имущественного и семейного права — в «Русской Правде», древнерусских грамотах, ранних княжеских церковных уставах — обнаружить отчётливое влияние византийских норм не всегда удаётся.

В русской письменности распространены византийские и южнославянские памятники права, входящие в состав как церковных и светских юридических и канонических сборников, так и летописных сводов. Например, «Закон судный людям» имел на Руси значительные переработки, в результате которых создавались практически новые памятники (Пространная редакция «Закона судного людям», а также его сводная редакция). Это говорит о том, что юридические произведения и компиляции, содержащие византийские правовые нормы, пользовались большим вниманием: их не только читали, но и перерабатывали, стремясь приблизить к условиям Руси. В этой связи на сравнительном материале памятников византийского, древнерусского и славянского права предлагается анализ пенальных норм за тот или иной деликт (правонарушение) в их отношении к традиции римского классического права.

В основе как всей системы византийского права, так и тех разделов, которые касаются наказаний, лежат Юстиниановы нормы законодательства. *Corpus juris civilis* считался на протяжении всего византийского тысячелетия действующим сводом гражданского права. Однако эллинизация публично-правовой сферы в начале VII в. на территории Восточно-Римской империи, с которой себя идентифицировали византийцы, делало трудоёмким применение в судебной практике огромного четырёхчастного Свода Юстиниана, написанного на латинском (за исключением одной части) языке. Первым грекоязычным сводом законодательных норм стала изданная в 741 г. (по новейшим датировкам) императорами-иконоборцами Эклога законов, т.е. дословно, — «выдержки из законов». Под «законами» имеются в виду нормы Свода Юстиниана, к которому апеллировала преамбула Эклоги: «Избранные законы, составленные в сокращении... из Институций, Дигест, Кодекса и Новелл — конституций великого Юстиниана», и «исправленные, — как опять-таки сказано в преамбуле, — в духе большего человеколюбия и кротости». Специально системе наказаний за различные деликты посвящён XVII титул Эклоги, который стал наиболее популярным источником заимствований и переработок в средневековом праве.

Эти нормы легли в основу всех последующих византийских правовых сводов — Исагоги, Прохирона, Василик, Шестикнижия. Эти же нормы отражены в славянских и русских правовых памятниках — славянской Эклоге, «Законе судном людем», различных вариантах Кормчих книг и др. Г.А. Острогорский так охарактеризовал Эклогу: «Особо стоит отметить изменения, которые претерпевает уголовное право. Правда, эти изменения не вполне диктуются духом христианского человеколюбия. Эклога предусматривает целую систему телесных наказаний, которой не знает Юстинианово право: отсечение носа и языка, усекование руки, ослепление, острижение и выжигание волос и т.п. Хотя эти отвратительные увечья в некоторых случаях заступают место смертной казни, однако в других оказываются на месте прежних денежных штрафов... Подлинно восточная страсть к увечьям и ужасным телесным наказаниям, которую обнаруживает Эклога в противоположность римскому праву, не явилась, впрочем, в Византии полным новшеством... Она знаменует собой перемены, которые произошли в византийской правовой жизни и правовом сознании со времен Юстиниана, перемены, которые отчасти следует отнести к более глубокому проникновению христианских воззрений, а отчасти к огрублению нравов, произошедшему под влиянием Востока»¹.

Ещё сравнительно недавно византийское обычное право трактовалось как право, испытывавшее некоторое воздействие в связи с распространением славянских общин на территории Византийской империи². Однако в таком случае описание системы членовредительских наказаний в византийских нормативных текстах в сравнении с соответствующими славянскими заимствованиями ставит перед исследователями трудноразрешимые проблемы. Дело в том, что именно славянские переводные памятники, опирающиеся на византийскую Эклогу, подобно тому как это имело место и в восточноевропейских варварских правах, сопоставимых в ряде отношений с византийским Земледельческим законом, членовредительство и телесные наказания Эклоги (как и, следует заметить, Земледельческого закона) заменяют на денежные штрафы. Наиболее характерно это выражено в статьях «Закона судного людем», опирающихся на Эклогу. Вместе с тем совершенно справедливо, что такие пенальные меры, как отрезание языка, клеймение, отсечение руки, ослепление были знакомы праву и доюстиниановой эпохи. Однако там эти меры применялись лишь в отношении рабов и других низших категорий общества (Nov. Just.³ 17, 8 [535]; 42, 1 [537]; 134, 13 [556]). Эклога всего лишь охватывает этой системой пенальных санкций новые слои правонарушителей.

XVII титул Эклоги стал основой системы пенального права славянских народов, отражённой в таких памятниках, как «Закон судный людем» и «Закон царя Юстиниана». «Закон Судный людем» сохранил примерно 25 статей, восходящих к рассматриваемому титулу, а «Закон царя Юстиниана» близок к идеям санкций византийского Земледельческого закона и отчасти — Эклоги. Статьи 1, 5—8, 10, 12—17, 21—23, 25, 27, 29—33, 35, 40, 41 из XVII

¹ Острогорский Г. История Византийского государства. М., 2011. С. 218—219; Ostrogorsky G. Geschichte des byzantinischen Staates. München, 1975. S. 122—123.

² Флоринский Т. Памятники законодательной деятельности Душана, царя сербов и греков. Киев, 1888. С. 413; Липшиц Е.Э. Славянская община и её роль в формировании византийского феодализма // Византийский временник. 1947. Т. 1. С. 154—155; Липшиц Е.Э. Византийское крепостничество и славянская колонизация // Византийский сборник. М., 1945. С. 135.

³ Corpus Juris civilis. Vol. 3: Novellae Justiniani / Rec. R. Kröll. Berolini, 1959.

титула Эклоги отражены в «Законе судном» соответственно в статьях 18, 19, 23—32, 5—10, 12—17⁴. Ряд этих статей, совпадая в предмете изложения, отличается от исходных греческих текстов в сути определения наказания. Но в подавляющем большинстве рассматриваемые статьи обнаруживают совпадение содержания греческих текстов со славянскими переводами Эклоги. XVII титул касается всевозможных деликтов и нарушений самого разного характера — от преступлений против веры, государства и личности до казусов посягательства на свободу, нравственность, имущественные нарушения, несоблюдения норм брачного и семейного права.

Особое внимание здесь уделено государственным преступлениям — измене, фальшивомонетничеству, самоуправству, клеветническим доносам. Подобно законодательству Юстиниана (Dig. Just.⁵ 48.16.1. 48, 4; Cod. Just.⁶ 9, 8, 3; 5), заговор против императора трактуется как тяжкое преступление, за которое предусмотрена смертная казнь. Но, чтобы избежать самоуправства, Эклога предлагает передать такого рода дело на личное усмотрение императора, к которому подозреваемый доставляется под охраной.

Что же касается статьи о самоуправстве, то подобное положение известно и из Кодекса Юстиниана (Cod. Just. 8, 4). Данная статья в славянском праве находит полное соответствие в «Законе судном людем» (с. 107). Статья 51 о клевете в Эклоге соответствует принципам Юстиниановых норм: оговоривший кого-либо клеветник подвергается наказанию, применённому по отношению к безвинной жертве (Cod. Just. 9.46.10 [423]; Dig. Just. 48.16.1). «Закон судный людем» сохраняет эту норму (с. 107).

Формы уголовных преступлений, в первую очередь убийства и телесные увечья, разбираются в нескольких статьях XVII титула. Принципиальные решения данных казусов следуют за Юстиниановым правом. Виновный в убийстве преступник подвергался казни мечом. В соответствии с ранневизантийской традицией Эклога различает преднамеренные и непреднамеренные убийства, степень суровости наказания за которые была различной.

Определения, касавшиеся случаев увечья, в византийском законодательстве претерпели развитие: в «Эклоге, измененной по Прохирону», дополнительные статьи определяют своего рода иерархию выплат в зависимости от характера увечья. На причинившего жертве телесные повреждения накладывалось часто двойное наказание: он платил штраф и должен был оплатить медицинские расходы по лечению потерпевшего⁷. Показательно, что в этом разделе византийского права, отражённого в «Эклоге, изменённой по Прохирону», нередко усматривают черты общности с краткой редакцией «Русской Правды»: «Если кто-нибудь будет избит до крови или до синяков, то не искать этому человеку свидетелей; если же не будет никаких следов [побоев], то пусть придут свидетели; если же не может привести свидетелей, то делу конец; если же за себя не может мстить, то пусть возьмёт себе с виновного три гривны вознаграждения

⁴ Закон судный людем [Списки краткой редакции и воспроизведение списков] / Под. ред. М.Н. Тихомирова. М., 1961. С. 105—180. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи.

⁵ Дигесты Юстиниана / Отв. ред. Л.Л. Кофанов. Т. 1—8. М., 2002—2006.

⁶ Corpus juris civilis. Vol. 2: Codex Justiniani / Rec. R. Kröll. Berolini, 1954.

⁷ Ecloga ad Prochiron mutata // *Zacharia a Lingenthal C.E. Jus Graecoromanum. Pars IV. Lipsiae, 1865. XVIII, 35, 37.*

потерпевшему да ещё плату лекарю»⁸. Итак, в заключении данной статьи, подобно соответствующему пункту «Эклоги, изменённой по Прохирону», говорится о штрафе и об оплате услуг врача.

Особое внимание в Эклоге, причём с первых же статей, уделяется упрощению семейных и брачных отношений. Естественно, что здесь немало говорится о семейной этике. Эти положения византийского памятника были затем восприняты и развиты в более поздних законодательных сводах на греческом языке; они получили отражение и в славянских юридических памятниках, например, в «Законе судном людем». Преступления в данной сфере предусматривали такие виды кары, как удары плетьюми, штрафы, отсечение носа, изгнание, смертную казнь мечом, осклопление, острижение волос и бороды. Характер деликта определял и степень жестокости казни, но дифференциация здесь обусловливалась уровнем социальной стратификации провинившегося.

Наконец, ряд статей XVII титула Эклоги рассматривает меры против совершивших преступления имущественного характера, а именно кражу, уничтожение чужого добра, грабёж, поджог и т.п. Некоторые из этих статей (7—17, 40, 41, 50) близки к положениям ранневизантийского законодательства; часть пунктов сопоставима с Земледельческим законом. В статье 1 Эклоги наложившему руку на ищущего спасения в церкви причитается 12 ударов, что потом было заимствовано в «Законе судном людем» (статья 18) с той разницей, что древнерусский памятник предусматривает 140 «ран» (ударов) (с. 107).

Статья 5 о защите от самоуправства при разборе дела восходит к праву Юстиниана (Cod. Just. 8.4.7). Начальная часть текста в данной статье идентична по сути ранневизантийскому праву, далее же определения абсолютно отличаются от положений Юстиниана. Эклога определяет, что суд на местах находится в ведении местного распорядителя — архонта, узурпация судебных прав которого кем бы то ни было карается телесными наказаниями. «Закон судный людем» главным считает «княжий суд» с привлечением свидетелей. В славянском переводе наместник — «архонт» — истолковывается как «князь», а пенальный греческий термин «избит» передается так: «От князя места того биень будеть»; в «Законе судном людем» статья воспроизведена следующим образом: «Аще ли чуже възметь что, от владыки земли тои да тепеться» (с. 107). Формула санкции данного текста «да будет избит... как сам себя сделавший судьей, не будучи архонтом» возводится обычно к Земледельческому закону, содержащему в статье 70 подобное определение.

Статья 6 Эклоги о вероотступничестве не предусматривает какого бы то ни было светского наказания. Единственной судебной инстанцией здесь представлен церковный суд. Следовательно, налицо расхождение с принципами Юстиниана (Cod. Just. 1.7), где вероотступничество истолковывается прежде всего как государственное преступление со всеми вытекающими отсюда процессуальными и карательными последствиями. Славянский текст Эклоги в данном случае совпадает с греческим прототипом: в нём сказано, что отступившие от веры воины по возвращении домой «во град в церковь да пушаемы будуть». Ещё чётче этот пункт сформулирован в статье 23 «Закона судного людем», где говорится, что по возвращении «въ свою землю и градъ да [в] церковь предаеться».

⁸ Правда Русская / Под. ред. Б.Д. Грекова. Т. 2: Комментарии. М.; Л., 1947. С. 58. Перевод: Памятники русского права. Вып. 1 / Под. ред. С.В. Юшкова. М., 1952. С. 81.

Статья 7 Эклоги («Если кто-либо взял коня... и случилось бы коню претерпеть урон или погибнуть, то взыскать надо с пользователя конём») восходит к Дигестам (Dig. Just. 13.6.23). Греческое средневековое законодательство, по сути, не меняет условий наказания за непредусмотренное соглашением использование чужого коня. Статья отражена и в тексте «Закона судного людем» (с. 108). Положение Эклоги здесь нередко сопоставляется со статьей 12 краткой редакции «Русской Правды»: «Если кто поедет на чужом коне без спросу, то платить 3 гривны»⁹. Правда, справедливо представление об относительном характере данного сходства юридических норм. Суть текста Эклоги отлична от древнерусского памятника. Казус имеет в виду не столько пользование конём без разрешения хозяина (как в «Русской Правде»), а несоблюдение условий соглашения об этом и вытекающего из этого ущерба коню, как это фиксирует «Закон судный людем» (статья 23). Ближе по смыслу сходная по содержанию статья 36 Земледельческого закона¹⁰. Статьи 8 и 9 Эклоги об ущербе по отношению к чужому скоту сопоставимы с аналогичными положениями Земледельческого закона (статьи 37—53 и др.). В славянском переводе Эклоги и в «Законе судном людем» на виновного в гибели скота накладывается денежный штраф. В славянской Эклоге понятие «скот» подразумевает овец.

Положения Эклоги о рабах в целом сохраняют принципы Юстинианова права (Inst. Just.¹¹ 8.3). В соответствии с определениями статьи 12 Эклоги раб за совершение кражи полностью переходит в собственность потерпевшего. Вернуть раба прежний хозяин может лишь возместив ущерб пострадавшему. Господин освобождается от ответственности за деликт, в котором обвинён его раб, благодаря передаче виновного в другие руки. Неправоспособность раба очевидна. Она затем без изменений зафиксирована в «Законе судном людем» (с. 108), а также в славянской Эклоге¹².

Статья 13 Эклоги касается вопроса о краже и порче скота, известных и из Земледельческого закона (статьи 41—42). Система наказаний, определяемых за аналогичные проступки Эклогой, отличается от предыдущего византийского, как и римского, законодательства гораздо меньшей суровостью. Данная статья предусматривает для вора, пойманного в первый раз, порку, во второй — изгнание, в третий же — отсечение руки. «Закон судный людем» повторяет определения Эклоги, отличаясь лишь в пенальной формуле: вор, совершивший преступление в третий раз, не подвергается членовредительству (отсечению руки), а «продаётся» после возвращения похищенного (с. 108).

Статья 14 разбирает проблему разграбления могил, что всегда вызывало пристальный интерес юристов (Dig. Just. 47.12; Cod. Just. 9.19). Данный деликт трактовался в Византии не как обыденная кража, а как святотатство. Отсюда и большая суровость кары за содеянное — отсечение руки. Славянский перевод Эклоги приводит эту статью в полном соответствии с оригиналом. В «Законе судном людем» преступник «да продается» (с. 108).

⁹ Правда Русская. Т. 2. С. 95 и след.; Памятники русского права. Вып. 1. С. 82.

¹⁰ Статья 36: «Если кто-либо возьмёт вола, или осла, или какую-либо иную скотину без ведома хозяина её и отправится по хозяйству, пусть отдаст в двойном размере заработок его; если же подохнет скотина по дороге, то отдаст двоих за одну, какая бы она ни оказалась» (Византийский земледельческий закон / Под ред. И.П. Медведева. Л., 1984. С. 110—111).

¹¹ Institutiones Justiniani / Под ред. Л.Л. Кофанова, В.А. Томсинова. М., 1998.

¹² Максимович К.А. Паннонские юридические памятники в древнерусской книжности. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2007.

Статья 15 посвящена особому казусу — наказанию за святотатство при совершении кражи. В отличие от сравнительно лёгкого наказания за совершенную впервые обычную кражу (статья 11), кража в алтарной части храма, закрытой для всех, кто, не являясь клириком, не участвует в церковной службе, влечёт за собой жёсткую кару — ослепление. Данное определение является нововведением Эклоги. К тому же модификации наказаний в Эклоге дифференцируются в зависимости от степени святости места преступления. Эта статья имеется и в славянской версии памятника, и в «Законе судном людем» (с. 108). В славянской Эклоге статья повторяет византийские нормы. Во втором же случае изменяется характеристика предмета кражи, ибо речь идёт не только о священной (литургической) утвари, как в греческом тексте, но и об одежде и всяком другом имуществе, а в пенальной формуле вместо определения об ослеплении за воровство в алтаре читаем: виновный «да продается». За кражу же вне алтаря преступнику вменялись пострижение и высылка как «нечестивцу». Сакральный характер места происшествия являлся наиболее значимым фактором определения наказания в средневековой Византии. Эта трактовка опровергает мнение Б. Зиноговица о том, что строгость кары не касалась случаев кражи из алтаря частного имущества или прочего, не связанного непосредственно с религиозным культом¹³.

Статья 16 о противозаконном присвоении человека, что являлось традиционной темой римского права, характерна и для византийского законодательства рассматриваемого времени, в котором продажа людей (рабов) оставалась типичным явлением. Но в Эклоге появляется новая интерпретация положения о продаже человека. Захвативший свободного гражданина и продавший его приговаривался к отсечению руки. В принципе этот случай описывался и в «Законе судном людем» с изменением, однако, санкции: укравший свободного и продавший его или поработивший сам переходит в статус потерпевшего (с. 108), т.е., если преступник был свободным, он становится невольником. К данной статье примыкает и следующая, 17-я, развивающая её положения. Различалась кража-продажа свободного, трактовавшаяся как уголовное преступление с суровыми мерами наказания, и обольщение, и кража раба с причинением тем самым имущественного ущерба господину, что понималось как имущественное гражданское преступление. В этом случае закон предусматривал возмещение убытка пострадавшему господину, обладавшему полнотой имущественных прав. Эклога предписывала необходимость возвращения и самого раба, и его стоимости. Аналогичная ситуация известна со времён Константина I (Cod. Just. 6.1.4 praef.; 1; 3 [317]), согласно постановлению которого против захватившего беглого раба возбуждался иск, влекший за собой возврат раба и уплату 20 солидов (эквивалента стоимости раба). В «Законе судном людем» и в славянской Эклоге данная статья воспроизводится в соответствии с византийским оригиналом.

Статья 18 предусматривает наказание за фальшивомонетничество. В отличие от Кодекса Юстиниана, где данный деликт описывается как «покушение на величество» и влечёт за собой смертную казнь (Cod. Just. 9.24.1), Эклога определяет в наказание преступнику отсечение руки. Славянский перевод в соответствующем пассаже говорит не об изготовителях фальшивой монеты, а об откупщиках¹⁴.

¹³ Ср.: *Sinogowitz B.* Studien zum Strafrecht der Ekloge. Athen, 1956. S. 57.

¹⁴ *Андреев М.* Римско частно право. София, 1975. С. 15.

Статья 19 («И имеющий жену и развратничающий да получит для назидания 12 ударов, будь то богатый или бедный») направлена на укрепление семейных и брачных связей. Статья 20 предусматривает вдвое меньше ударов для неженатого развратника. Подобные нормы составляют важную часть и «Закона судного». В статье 21 речь идёт о совращении чужой рабыни. Эклога определяет необходимость разлучения виновных путем перепродажи рабыни за пределы провинции, а также штраф в пользу фиска в размере стоимости рабыни, что является типичной для Византии, как государства фискального, мерой. «Закон судный людем», разумеется, модифицирует данное определение. В нём стоимость рабыни причитается не казне, а раздаётся нищим, а виновник подлежит церковной епитимии (с. 105). Последнее предусматривает ограничения на допуск его к церковной службе. В славянском переводе повторяются положения греческой Эклоги. Статья 22 о прелюбодеянии с чужой рабыней является характерной для византийского права, дифференцируя кару за один и тот же деликт в зависимости от социального и имущественного положения преступника. Незнатный и небогатый человек мог подвергнуться, согласно данной статье, не только штрафу в 36 золотых (номисм), но и получить телесные наказания. Пени в 36 номисм, причитающихся владельцу рабыни, превышали стоимость самой рабыни (оцениваемой в среднем в 20 номисм). «Закон судный людем» предусматривает за аналогичный деликт для состоятельного человека семилетний пост и штраф в пользу хозяина рабыни; бедняк восполняет утрату своим имуществом господину и присуждается к строгому посту (с. 105). Славянская Эклога соответствует в данном случае греческому тексту.

Статья 23 трактует совращение монахини не столь сурово, как это делало ранневизантийское законодательство. И постановления IV в., и Новеллы Юстиниана (Nov. Just. 6.6 [535]; 123.43 [546]) присуждали совратителя монахини к смерти, причём Юстинианово право сопровождало эту меру имущественной конфискацией. Монахиня как соучастница подлежала монастырскому заточению. Каноническое право предусматривало и церковное отлучение преступника. Предписания Эклоги носят особый характер. Оба соучастника прелюбодеяния несут одинаково жестокое наказание — отрезание носа. Эта кара идентична мере, предусматриваемой Эклогой (XVII, 27) за супружескую неверность, где так же наказываются оба соучастника. «Закон судный людем» определяет наказание за аналогичные преступления как по мирскому законодательству, так и по церковному, по которому предписывался 15-летний пост (с. 106). Статья 24 Эклоги развивает предыдущие положения применительно к похищению и обесчещиванию девушки-мирянки. По нормам законодательства Константина за подобное преступление полагалась смертная казнь через сожжение на костре. Если преступление происходило с согласия женщины, то и она несла наказание. В Эклоге меры по отношению к обоим участникам изменены: виновному отсекали нос, а всякого оказавшего содействие в похищении изгоняли.

Статьи 25 и 26 исходят из принципа, запрещающего браки между духовными родственниками — крёстными родителями и крестниками. Этот принцип был продиктован ещё законодательством Юстиниана (Cod. Just. 5.4.26.2 [530]). Эклога развивает эти положения. Статья 25 для крёстного отца, вступившего в брак или в физическую связь с крестницей, определяет отсечение носа. Следующая статья ужесточает наказание, если вступившая в преступную связь крест-

ница является замужней женщиной: оба соучастника, помимо отсечения носа, подвергаются телесным наказаниям плетьюми. «Закон судный людем» предлагает свою модификацию данной статьи: санкции против нарушителей закона о прелюбодеянии духовных родственников предусматривают отрезание носа, разлучение и пост в течение 15 лет (с. 106). Славянская Эклога рассматривает в данной связи случай развратных действий со своей кумой и представляет существенную модификацию греческого текста своего источника.

Статьи 27—28 подробно исследуют проблему прелюбодеяния членов семейной пары. Ещё в законодательстве Константина нарушение супружеской верности каралось самым строгим образом: прелюбодей предавался смертной казни. В Эклоге подчёркивается равенство перед законом в применении меры наказания обоих виновных. Основная кара в данном случае обычна для Византии — лишение носа. Но пенальный пафос Эклоги направлен на усиление мер, предохраняющих брак от расторжения и семью от разрушения. Муж, виновный в прелюбодеянии, хотя и подвергался телесной каре, но не разлучался с супругой. С другой стороны, по статье 28 муж не должен был терпеть измену жены: знающий о неверности супруги и допускающий это супруг подлежал сечению плетьюми и высылке.

Статья 29 развивает идеи статьи 20 о соблазнении девушки без последующего затем вступления в брак. Византийское законодательство различает имущественное и социальное состояние обвиняемого, по которому бедняк наказывался плетьюми, острижением волос и изгнанием, состоятельный же человек отвечал половиной своего имущества, богач должен был уплатить жертве внушительную сумму в литр золота (72 номисмы). «Закон судный людем» помимо наказаний, предусмотренных Эклогой, определял и церковное наказание в виде семилетнего поста (с. 106).

Статья 30 о наказании за изнасилование отсечением носа («Изнасиловавший девушку и обесчестивший её подлежит отсечению носа») повторяется и в поздневизантийском, и в славянском законодательствах. «Закон судный людем» изменяет санкции: насильник «да будет продан», а его добро достается жертве. Статья 31 об ответственности обесчестившего несовершеннолетнюю половиной своего имущества (наряду с ринэктомией) определяет возраст совершеннолетия для женщин — 13 лет, тогда как в славянской Эклоге подобная статья отсутствует. В «Законе судном людем» возраст женского совершеннолетия определяется в 20 лет. Уточняется и мера наказания, когда виновник, обесчестивший несовершеннолетнюю, «продавался» со всем своим имуществом в пользу потерпевшей, а также подлежал церковному наказанию (с. 106).

По статье 32 о соблазнении чужой невесты с её согласия соблазнитель лишался носа. Брак с чужой невестой считался блудом. Аналогии данной статье имеются и в памятниках поздневизантийского и славянского права. Статья 33 рассматривает проблему кровосмешения. Римское право запрещало брак между родственниками до шестого колена. Эклога расширяет сферу запретительных мер и на ряд других категорий кровных и некровных родственников — отчима, мачеху, падчерицу и пасынка, шурина и деверя, дядей, тёток и племянников, двоюродных братьев и сестёр. Самая суровая кара — смертная казнь — касается только родителей и детей, а также братьев и сестёр. В остальных случаях применялось вырывание носа. Суть статьи воспроизводит и «Закон судный людем» (с. 106); статья имеется также в славянской Эклоге. Отрезание носа по

статье 34 предписано и для вступающих в связь с чужими женщинами, являющимися матерью и дочерью. Такое же наказание несёт и женщина, сознательно вступившая в подобного рода связь.

Статья 35 о мерах против двоеженцев восходит к предшествующей традиции законодательства, запрещающего двоебрачие. Эклога предусматривает за этот деликт наказание плетьюми, изгнание незаконной жены вместе с детьми, а сам брак тем самым считается незаконным. «Закон судный людем» наряду с гражданским наказанием предусматривает и семилетний пост (с. 106). Статья 39 Эклоги определяет, что «скотоложество карается оскотлением». Славянское и древнерусское право опускает эту норму.

Статья 40 повторяет санкции, сформулированные в Дигестах (Dig. Just. 47.7), о штрафе в двойном размере за поджог чужого леса и кражу деревьев. Данная статья известна и по соответствующему тексту Земледельческого закона¹⁵. «Закон судный людем» в данном случае также следует за Эклогой¹⁶.

Таким образом, в Эклоге имеет место тенденция к замене смертной казни другими видами наказаний (как правило, членовредительством) и дифференциации вида наказаний применительно к разным категориям населения в зависимости от их социального и имущественного ценза, к усилению норм церковного законодательства и, наконец, к замене денежных штрафов другими видами пени, исходя из общей пауперизации населения в период иконоборчества. Славянская и древнерусская версии греческого текста развивают нормы византийского права и дополняют его нормами местного законодательства.

Изменения историко-юридических формулировок в римском классическом праве, византийском законодательстве и в славянских, и древнерусских памятниках диктовались в большинстве случаев языковыми особенностями переводов, особенно специальных категорий и терминов, с латыни Юстиниана на средневековый греческий византийских памятников права и на славянские языки юридических заимствований; географическими изменениями, когда позднеимперское и византийское законодательство воспроизводилось лингвокультурами славян и Руси; изменениями институционального характера, вызванными переменами в таких сферах, как полисно-муниципальное право, императорская и великокняжеская власть, рабство и другие категории зависимости, церковная сфера, семейные и имущественные отношения греков и славян.

¹⁵ Византийский земельный закон. С. 118.

¹⁶ Ecloga. Frankfurt a/M, 1983. S. 240; Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. М., 1965. Т. XVII.41.